

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *С. Груздева*

Редактор серии *А. Антонова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](https://vk.com/vmirefiction)

 [read_action](https://www.instagram.com/read_action)

Леонтьев, Антон Валерьевич.

Л47 Пепел книжных страниц / Антон Леонтьев. —
Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Авантюрная ме-
лодрама).

ISBN 978-5-04-106557-7

Получив «неуд» на экзамене по специальности, аспирантка Нина Арбенина не подозревала, что эта оценка коренным образом изменит ее жизнь. Зайдя в магазинчик «Книжный ковчег» поделиться своими бедами со знакомым продавцом, Нина, пройдя через странную дверь, неожиданно для себя оказалась в литературной вселенной — внутри романа «Братья Карамазовы»! Теперь, чтобы вернуться в привычную жизнь, Нине придется найти настоящего убийцу старика Карамазова. Романная реальность живет по своим законам, но ни один из братьев не виновен в зверском убийстве отца... Параллельно девушка пытается понять, что это — сумасшествие, жестокий розыгрыш или обретение потрясающего дара?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Леонтьев А.В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-106557-7

Однажды написанные, книги
более не нуждаются в своем авторе.

*Италияязычный автор,
чьи романы издаются
под псевдонимом **Элена Ферранте**,
в официальном заявлении
на попытки раскрыть ее/его
подлинную личность.*

— Та-а-ак... — Профессорский тон не предвещал ничего хорошего, однако Нина уже была внутренне готова к предстоящей конфронтации. — *Та-а-ак...*

Вскинув голову и потрянув длинными каштановыми волосами, собранными на затылке в «конский хвост», девушка прямо в лицо, с легким вызовом, посмотрела на восседавшую перед ней экзаменационную комиссию.

Состояла комиссия в тот самый длинный день года из четырех человек, однако тон в ней задавал, бесспорно, именно он — Борис Егорович Штык, академик, профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой и бывший декан.

Вообще-то комиссия, которая принимала у нее кандидатский минимум по литературоведению, должна была состоять из *пяти* членов, однако ее научного руководителя, главного недруга профессора Штыка, в начале недели доставили в областную больницу с гипертоническим кризом. Конечно, имелась возможность дожидаться его выписки, которая, впрочем, грозила затянуться, что с учетом скорых летних каникул привело бы к неминуемому сдвигу сдачи кандидатского минимума на осень.

Поэтому Нина, навестив научного руководителя в больнице, заверила, что согласна сдавать экзамен в его отсутствие, прекрасно понимая, что целиком и полно-

стью отдает себя во власть профессора Штыка, который уже несколько десятков лет не ладил с ее научным руководителем, а по инерции и со всеми его студентами, аспирантами и докторантами.

Однако Нина редко сомневалась в собственных силах, да и время поджимало: она не хотела отклоняться от поставленного перед самой собой графика по написанию диссертации и сдаче сопутствующих экзаменов.

Штык так Штык — ведь вынужден же он был поставить ей тогда, на третьем курсе, когда она сдавала ему курс «Анализ художественной структуры произведения», четверку — это была в ее дипломе *единственная* четверка, хотя и пытался всеми силами завалить ее полностью, задавая наиковарнейшие вопросы.

А четверка у Штыка — это как десять пятерок у иных преподавателей. Пятерку у него, по слухам, за все время преподавательской деятельности Штыка получил только один человек, да и тот, согласно жуткой легенде, в ту же ночь скончался в возрасте двадцати лет от инсульта, вызванного невероятным умственным перенапряжением.

Четверок Штык ставил в год не больше одной или двух, а до того, как Нина получила свою, он в течение нескольких лет раздавал в качестве высшей оценки исключительно тройки, отправляя не менее половины студентов прямоком на пересдачу.

Нина, примостившаяся на скрипящем стуле с жестким сиденьем, посмотрела в глаза профессору Штыку — и чего все так бояться этого тщедушного, сутулого, какого-то даже ссохшегося лысого типа, в самом деле похожего на заржавленный штык, облачавшегося всегда в черный костюм-тройку и меняя только нелепые разноцветные «бабочки» на морщинистой кадыкастой шее.

— *Та-а-ак*, — протянул Штык в третий раз свое любимое словечко, от которого на экзаменах уже случались обмороки и истерики, блеснув стеклами очков без оправы, и уставился на Нину.

Девушка же, вцепившись обеими руками в деревянное сиденье неудобного стула, продолжала смотреть в лицо профессора, который — и она в этом не сомневалась — был настроен к ней крайне недружелюбно.

Крайне.

Всем было отлично известно, что Штык обожал играть в «гляделки» со своими жертвами, заставляя их рано или поздно отводить взор — и тем самым признавать свое поражение. А доставлять подобное удовольствие этому малоприятному субъекту, который, надо признать, являлся самым квалифицированным преподавателем в их регионе, она явно *не намеревалась*.

Игра в «гляделки» продолжалась, и когда молчание подошло к концу...

— Итак, Арбенина, вы развили крайне интересную теорию! *Крайне интересную!* Не могли бы вы ее аргументированно разъяснить?

Штык принципиально всех, кто был ниже его, называл на «вы» и по фамилии. А она, обыкновенная аспирантка, к тому же аспирантка его заклятого врага, была намного ниже.

Намного.

— Разумеется, могу, — произнесла с легкой улыбкой Нина, чувствуя, однако, что сердце у нее куда-то ухнуло. Главное, не показать, что она паникует. А она не паниковала.

Ну, может, *самую малость*.

Отчасти она сама виновата, что после сложных и комплексных вопросов по школам в мировой и отечественной теории литературы, по художественному методу и литературно-художественному образу, которые она, несмотря на все попытки Штыка сбить ее с толку, парировала не просто достойно, но, как она уяснила по одобрительным кивкам прочих членов экзаменационной комиссии, в ее словесное противостояние со Штыком почти не вмешивавшихся, с *блеском*, решила, что опасность миновала. И когда разговор свернул на проблематику категории жанра, решила на неожиданном примере продемонстрировать правоту своих тезисов.

И стала развивать ту самую теорию, которую услышала от своего знакомого библиографа, владельца чудного книжного магазинчика, в котором Нина уже много лет была постоянным посетителем.

Кашлянув, девушка принялась излагать свою мысль, точнее, мысль своего знакомого библиографа, которая когда-то поразила ее и с которой она, быть может, и не была согласна, во всяком случае, которая, однако, наглядно иллюстрировала ее точку зрения.

Однако Штык, не дав ей сказать и нескольких предложений, властно прервал ее:

— То, что вы говорите, Арбенина, *чушь!* Причем чушь редкостная и на редкость дистиллированная.

Члены экзаменационной комиссии снова закивали, на сей раз поддерживая правоту своего коллеги.

Нина, закусив губу и продолжая смотреть в глаза Штыку (игра в «гляделки» длилась уже не меньше пяти минут и давно перешла границы дозволенного и нормального), снова тряхнув волосами, упрямо произнесла:

— *Чушь* — это отметить чужую точку зрения только на том основании, что она не согласовывается с собственными устоями. Причем, и в этом вы абсолютно правы, чушь редкостная и дистиллированная. Можно сказать, *высокоградусная!*

Пожалуй, не стоило ей говорить подобное, потому что страсть профессора Штыка к крепким алкогольным напиткам была общеизвестна.

Однако ее, как ни крути, *некорректное* высказывание привело к тому, что Штык, обычно прекрасно владевший собой, на мгновение растерялся, его глаза за стеклами очков заматались туда-сюда, и он *отвел взгляд*.

Мгновением позже он опять вперился ей взором в лицо, однако — и это было понятно и ему самому — было уже поздно. Он проиграл, а она одержала победу.

Такого со Штыком раньше никогда не происходило.

Нина шумно вздохнула и разжала руки, которыми сжимала деревянное сиденье.

Победа за ней! Она не просто «умыла» Штыка, но и заставила его отвести взор.

О ней теперь наверняка будут слагать легенды.

На душе вдруг сделалось спокойно и уютно. Нина посмотрела через окно большой университетской аудитории на улицу — было восхитительное жаркое лето, и надо было наслаждаться жизнью, а не дуэлироваться взглядами с пожилым и *таким противным* профессором литературоведения.

Нина подумала о том, что сообщит Славику, своему молодому человеку, потрясающую весть о том, что Штык *был вынужден* впервые в жизни поставить на кандидатском экзамене пятерку.

И кому — ей, аспирантке своего *врага!*

Штык, нервно дернувшись, запустил длинный когтистый палец за воротник, сверкнул стеклами очков и проскрипел:

— Значит, вы на полном серьезе утверждаете, что величайшее произведение мировой литературы о метаниях человеческой души, о мытарствах тела и боязни прекращения физического существования, «Смерть Ивана Ильича» гения Льва Николаевича Толстого, можно рассматривать как... *детектив?*

Последнее слово он даже не произнес, а буквально *выплюнул*, причем с намеренно уничижительной, гадко звучащей двойной мягкой «е».

Нина, мягко улыбнувшись, чувствуя, что все небывалое напряжение с нее спало и что страх перед Штыком исчез, уступив место желанию вести занятный литературоведческий диспут *на равных*, взглянув на одного из насупившихся членов экзаменационной комиссии, произнесла:

— Мы же ведем речь о проблематике жанра, не так ли, Борис Егорович? И весь вопрос не в том, к какому жанру принадлежит то или иное произведение, причем принадлежит по мнению того или иного маститого критика или общественности, и даже не в том, к какому жанру причисляет свое произведение *сам автор*, а в том, какую жизнь ведет это произведение, являю-

щеется своего рода отдельным космосом, собственной Вселенной со своими законами, но и со своими противоречиями. А так как литературные произведения являются отражением бытия, то, как и в реальной жизни, в выдуманном мире нет линейного развития и четких границ. И зачастую то, что не видно на первый взгляд или вообще не видно, и является определяющим.

Штык, уткнувшись взором в стол, видимо, переживая свое неожиданное поражение в игре в «гляделки», ничего не говорил, зато голос подал один из членов комиссии:

— Но как это заставило считать, что «Смерть Ивана Ильича» — это детектив?

В отличие от Штыка он произнес последнее слово с двойным твердым «е».

Нина, переведя на него взор, сказала:

— Я не хочу сказать, что это детектив, во всяком случае, *только* детектив, потому что в таком случае нам придется заняться вопросом дефиниции того, что такое детектив, а просто донести до вас мысль о том, что любое произведение можно прочесть по-разному. Комедию как драму. Драму как пасквиль. Пасквиль как автобиографию. Автобиографию как секс-роман. Секс-роман как покаяние. Покаяние как провокацию. Провокацию как комедию. Ну, или «Смерть Ивана Ильича» как *детектив!*

Штык, вскочив и уставившись ей опять в лицо, яростно закричал:

— *Та-а-ак...* Какой же это, Арбенина, детектив? Это все, что угодно! Философский трактат, «поток сознания», бытописание, история болезни, социальная драма, семейная трагедия, камерная пьеса, исповедь умирающего... Все, что угодно, но *только не детектив!*

Примерно так же Нина в свое время среагировала на слова своего приятеля библиографа Георгия Георгиевича, с которым любила за чаем с вкусным ежевичным пирогом вести литературные беседы, однако все зависело от точки зрения.

И от желания увидеть в *обыденном* что-то *новое*.

— А разве одно противоречит другому? — сказала она, не смотря Штыку в лицо. Новую игру в «гляделки» она затевать не намеревалась. — Ведь детектив — это и бытописание, и социальная драма, и сугубо семейная трагедия, и философский трактат, и «поток сознания»... Я просто стараюсь продемонстрировать, что границы жанра зачастую подвижны...

— «Смерть Ивана Ильича» не детектив! — отчеканил, тяжело дыша, Штык, а Нина, улыбнувшись, парировала:

— Повторюсь, ее можно прочесть и так. И пусть Лев Николаевич не работал над детективом, хотя кто может со стопроцентной уверенностью заявлять об этом, и пусть литературные критики придерживаются иной точки зрения, однако произведение живет по *своим* законам, и их не определяет уже ни автор, ни эксперты, а только читатель! *И то не всегда...*

— Это как? — остолбенела единственная дама — член экзаменационной комиссии, однако Нина сочла за благо не излагать ей иную теорию библиографа Георгия Георгиевича, который уверял ее, что если каждое литературное произведение — это отдельный космос, то и живет этот космос по своим законам — и исключительно по ним, *безо всякого влияния извне.*

Как будто вовсе не о — пусть! — мирах говорил, однако однозначно *вымышленных*, а о *реально существующих* диковинных дальних планетах или параллельных вселенных.

Поэтому Нина ловко ушла от ответа на скользкий вопрос и вместо этого заметила:

— Ну смотрите, «Смерть Ивана Ильича» — это, по мнению всех, глубинные размышления на тему жизни и смерти. Но любой детектив является *тем же самым!* «Смерть Ивана Ильича» принято, и я делаю упор на этом *принято*, считать вершиной литературного творчества Толстого, философскими размышлениями о бренности бытия и человеческих мытарствах. Но любой высококлассный детектив, опять же, именно *об этом!* Границы, снова повторюсь, весьма и весьма зыбкие...

Штык, явно потеряв терпение, взвизгнул:

— Какой же это, к черту, *детектив!* Там что, у кого-то стащили бриллиантовое кольцо? Может, у вдовы Ивана Ильича на похоронах? Или, не исключено, он был шпионом вражеской державы, передававшим врагам отчизны секретные сведения из уездного суда, где имел несчастье служить? В конце концов, там нет того, без чего любой детектив не обходится: без *убийства!*

Чувствуя, что ее сердце трепещет от редкостной удачи, потому что своим замечанием Штык загнал сам себя в тупик, Нина произнесла то, что когда-то поведал ей библиограф Георгий Георгиевич:

— Так уж и *нет?* В этой повести Льва Николаевича есть труп — и это труп главного героя Ивана Ильича Головина, члена Судебной палаты, который в последнем предложении втягивает в себя воздух, останавливается на половине вдоха и, потягиваясь, умирает 4 февраля года 1882-го. А кто вам сказал, что это не *убийство?*

В аудитории воцарилась полнейшая тишина, так что стало слышно, как надоедливая оса бьется о стекло.

— Верно, *никто*. О причинах странного заболевания Ивана Ильича, которое и послужило причиной его кончины, автор ничего конкретного не говорит. Медики пытались установить диагноз, однако сведений слишком мало. Все, что угодно, начиная от скоротечной формы рака и заканчивая тяжелой формой сердечной недостаточности. Можно, как делали поколения критиков, сказать, что вид заболевания неважен, важны глубинные размышления Ивана Ильича о жизни и смерти, которые этой таинственной болезнью провоцируются. Но ведь можно предположить, что Толстой *намеренно* не заостряет внимания на природе болезни, потому что это никакая не болезнь, а *убийство!*

Один из членов комиссии крякнул, а Штык зачастил, снова твердя, как заклинание:

— Чушь, чушь, *чушь!* Никакое это *не убийство!*

— Но откуда вы это знаете *наверняка*, Борис Егорович? — улыбнулась Нина. — Вы что, *лично* проводили вскрытие тела покойного Ивана Ильича Головина? Если это не убийство, то поставьте тогда точный диагноз!

— Точный диагноз неважен, речь идет не о физической немоги, а о душевных переживаниях, вызываемых ею и осознанием собственной близкой смерти... — заявил один из членов комиссии, и Нина улыбнулась и ему:

— Опять же, не отрицаю подобной возможности трактовки, весьма классической, этой повести Толстого, но откуда вы, повторяю, знаете *наверняка*? Ни вы, ни я при кончине не присутствовали, не так ли?

Штык, жадно осушив бокал воды, заботливо поданный ему единственной дамой-экзаменаторшей, уже несколько спокойнее гаркнул:

— *Та-а-ак*, пусть, так и быть, Арбенина, это детектив. И пусть убийство! Но *кто* убил? И *почему*? Это же, повторяю, *чушь!*

Нина ответила:

— Не более чушь, чем все остальное. Только по той причине, что сто тридцать девять высоколобых литературных критиков трактуют это так-то и так-то, это *не значит*, что они правы. Идолы ложных авторитетов, как сказал бы философ Бэкон...

Штык, обожавший ссылку на идола ложных авторитетов Бэкона, брякнулся на стул.

Девушка же, ощущая, что это не просто победа, а триумф, *полный и безоговорочный*, который не просто сделается университетской легендой, а войдет в анналы истории их города, продолжила:

— Чтобы узнать, кто убил и почему, надо провести расследование, причем не литературное, а совершенно обыденное, юридически-криминальное. С отпечатками пальцев, допросами свидетелей и подозреваемых, очными ставками и, конечно, токсикологическим анализом. Но для этого надо иметь возможность попасть в реальный мир написанной Толстым повести, что, конечно же, *маловероятно*. Но это и не требуется, потому что во всех прочих детективах перемещаться физически в читаемый роман не надо, автор ведь позаботился о том, чтобы там и сям раскидать улики и намеки. Так и в случае с Иваном Ильичом...

Так как возражений со стороны членов экзаменационной комиссии уже не последовало, Нина презентовала им то, о чем ей когда-то поведал библиограф Георгий Георгиевич:

— Если это убийство, а мы исходим из этого, то следует задаться вопросом: *кому выгодно*. И *кто мог его осуществить*? Убийца должен присутствовать в произведении изначально, хотя бы на заднем плане, хотя бы не принимая участия до поры до времени в основном действии. Но он, словно злой рок, довлеет надо всем. Конечно, в смерти, вернее, убийстве Ивана Ильича можно заподозрить его честолюбивых, желавших занять его должность судейских коллег. Сошедшую с ума прислугу. Дочку на выданье. Ее скользкого жениха. Наконец, сына-гимназиста, так сказать, *юного садиста*...

Один из членов комиссии издал хрюкающий смешок.

— Но в хорошем детективе, как и реальной жизни, зачастую все очень просто. *Очень*. Хотя и хорошо завуалировано. Например, как лицо безутешной глуповатой вдовы Ивана Ильича, Прасковьи Федоровны, на похоронах супруга...

На этот раз даже оса стихла, словно ожидая от Нины разъяснений.

— Если умирает жена, то логично в первую очередь подозревать мужа. А если муж, то *жену*. Думаю, в случае Ивана Ильича это справедливо. Он — жертва своей пусть и недалекой, однако алчной и беспринципной супруги, которая «с душевным прискорбием» проинформировала в газетном объявлении с черным ободком равнодушную общественность о последовавшей кончине своего якобы «возлюбленного» супруга. Которой он надоел. Которая, к примеру, убедив Ивана Ильича застраховать свою жизнь на кругленькую сумму, решила, что стать вдовой, причем вдовой пусть и не первой молодости, но еще далеко не старой, не просто приятно, но и весьма *прибыльно*. Которая, думаю, получа-

ла большое удовольствие, наблюдая за медленной, но верной агонией супруга...

— *Та-а-ак*, это все инсинуации! — вяло заявил Штык, а Нина, согласно кивнув, ответила:

— Да, но не в большей степени, чем все эти высоколбые философские теории, которые многие литературоведы развивают в своих докторских...

Докторскую Штык защитил в свое время именно что по «Смерти Ивана Ильича».

— Кстати, меня давно занимал вопрос: не назвал ли Толстой супругу Ивана Ильича Прасковьей Федоровной в честь другой Прасковьи Федоровны, к которой у Грибоедова в «Горе от ума» зван во вторник на форели Фамусов? Или, может, это *даже* ее мать, бабка или двоюродная тетушка? Или *троюродная? Интерференция повествовательных инстанций*, не так ли, Борис Егорович?

Борис Егорович, насупившись, молчал.

— Но как она его убила? — спросил не без интереса один из членов комиссии. — *Отравила*, что ли?

Нина снова кивнула.

— Думаю, да. Это наиболее логичное объяснение непонятной этиологии и, главное, не поддававшейся никакому лечению местным доктором болезни. Есть ряд ядов, как минеральных, так и растительных, которыми, пичкая жертву постепенно, можно вызвать медленное угасание, якобы от естественных причин. В конце концов, всегда можно впрыснуть опостылевшему мужу штаммы туберкулеза или раковые клетки, взятые у иного пациента, и спровоцировать тем самым скорую смерть...

— Но она *не могла* этого сделать! — произнес торжествующе Штык. — Она была обыкновенной провинциальной клушей, без медицинского образования, без навыков сиделки. Говорю же: *чушь!*

— Но всеми необходимыми навыками, познаниями и, что важнее, инструментарием и, главное, возможностью для осуществления своего inferнального плана